

15 марта Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Судьба распорядилась так, что день рождения и день памяти нашего классика стали одной датой — какое-то мистическое совпадение... Казалось, еще вчера имел я счастье встречаться и беседовать с Валентином Григорьевичем. И спустя несколько лет после его ухода никак не могу поверить, что его нет среди нас. Распутина очень не хватает России на ее очередных непростых исторических путях.

Как утешение, достаю и перечитываю его письма ко мне, перечитываю дневниковые записи и словно бы въяве слышу его голос, вижу его внимательный, доброжелательный взгляд.

* * *

В пору, когда Валентин Григорьевич работал над повестью «Мать Ивана, дочь Ивана», нам как-то довелось с ним неспешно прогуляться по парку в Доме творчества Переделкино. Остановились около пруда. Погода была прекрасная — легкий морозец, ни ветерка.

— Эдуард, — обратился ко мне Распутин, — я заметил, что ты, когда приезжаешь в Переделкино, обустраиваешься в старом двухэтажном корпусе. Но ведь там нет условий проживания таких, как в новом здании. Может, тебе не хватает денег снять номер в новом корпусе? Так я помогу!

От такого вопроса-предложения я немножко растерялся, но решил ответить как есть:

— Видите ли, Валентин Григорьевич, в старом корпусе даже стены будто пропитаны присутствием в них в разное время великих писателей... Они здесь жили, общались, работали над своими знаменитыми произведениями, подходили к телефону около дежурного и вели разговоры с родными, издательствами, редакторами. А в новом корпусе, признаюсь, хоть и условия хороши, да вот того писательского духа нет, который бы подзаряжал творческой энергией. Не напитался еще в полную силу новый корпус писательским духом!

Валентин Григорьевич задумчиво улыбнулся:

— А ты, наверное, прав... Вот ты сказал про великих писателей прошлого, а я вспомнил Читу и давний-предавний семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, где мы с тобой познакомились. Там тоже было немало выдающихся писателей...

Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите, случившуюся более полувека назад. С тех пор каждое его письмо, каждый личный и телефонный разговор с Валентином Григорьевичем становились событием в моей жизни, о котором я долго помнил. Порой некоторые писатели, зная нашу с Распутиным дружбу, косились: мол, Анашкин, видимо, Распутину надоедает, пытаясь просочиться на страницы журналов. Но честно скажу, мне и в голову никогда не приходило просить Валентина Григорьевича помочь мне напечататься. Не хотелось тратить драгоценное время, отпущенное на общение с ним, на такие житейские темы. Пересеклись мы как-то в Правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, на втором этаже, около приемной. Поздоровались, пожали друг другу руки. «Как дела? — спросил Распутин и вдруг поинтересовался: — А где новая рукопись? С собой?»

Рукопись у меня была с собой. Кто из нас, писателей-провинциалов, приходя в главное писательское Правление, не берет с собой произведения в надежде — а вдруг да случится познакомиться с редактором издания, которому как раз в это самое время ты позарез нужен со своими «нетленками»! Я протянул Распутину папку с рукописью.

— Посмотрю, скажу свое мнение, — сказал Распутин и начал спускаться по лестнице на первый этаж, на ходу добавив:

— Время и желание будут, приходи ко мне домой. Всегда рад встрече. Надеюсь, найдешь, не заблудишься.

Заблудиться я не побоялся, а вот опасение показаться навязчивым сказалось. На квартиру Валентина Распутина в Староконюшенный переулок я пойти не осмелился.

Возвращаюсь домой, в Самарскую область. Через несколько дней — звонок от Распутина: «Ты почему не пришел ко мне? Я разыскивал тебя в Переделкино, не нашел, сказали, что уехал. К твоей новой книге я написал короткое предисловие. Когда получишь письмо, позвони, если с чем-то не согласен. Буду ждать звонка. Смотри, не за займись у себя в деревне (в трубке раздался смех). Светлане Ивановне очень понравились твои рассказы, она даже плакала».

Может, и нехорошо в том признаваться, но, услышав слова о том, что фактически я довел до слез Светлану Ивановну, я, честно говоря, обрадовался!

Подумалось, что, наверное, не со мной одним как автором он поступал, словно врач, главная заповедь которого «Не навреди». Памятно мне одно письмо от Валентина Григорьевича от 28 ноября 2001 года. Вот цитата из него: «Вполне может быть, что мое суждение о рукописи Вам не понравится. В таком случае откажитесь от него, а с моей стороны никаких обид быть не может. Повредить Вашей книге было бы для меня неприятно...»

Вообще каждое его письмо становилось для меня событием. Вот цитата из письма от 5 июня 2002 года из Иркутска: «Очень виноват перед Вами за молчание. Свой юбилей (тогда Распутину исполнилось 65 лет. — Э.А.) праздновали с вашим гостинцем — степным медом во главе стола. 15–16 марта у меня были тяжелые, а уже 17-го отпра-



Валентин Распутин

вился на поезде в Иркутск. Дома пришел в полную негодность и два месяца не подходил к письменному столу ни для «художеств», ни для писем. Забросил все, даже деловую переписку, так мне достается Москва. Полная психическая немощь. Только теперь начинаю с трудом отзываться на свое существование, виноват перед многими за свое «небытие», но что делать!.. И еще одно: когда дойдет дело до книги, для которой я писал свои два или три листочка, дайте мне, пожалуйста, знать заранее. Чтобы я мог свои листочки посмотреть...»

До чего обаятельны были распутинские письма — добрые и самоироничные, кратко талантливые, но при этом такие емкие по смыслу: «Я в своем духе, т.е. умею надолго пропадать. Наконец, недостающие строчки для начала предисловия отправляю. Что выбрасывается, пометил. Удач Вам! В. Распутин».

И вот на излете 2002 года Самарское отделение Литературного Фонда России выпустило мою книгу «Запрягу судьбу я в санки» с предисловием Валентина Григорьевича, которое называлось «На добро — добром!» Привожу его полностью вовсе не из авторской гордыни, а затем, что в этих строчках живет взгляд нашего классика на непростую жизнь народа, из гущи которого он никуда не выходил. Он жил в народе, и потому стал им любим. А я что? Я лишь один из тех, кому повезло познакомиться и общаться с Распутиным. Вот что он написал:

«В этой книге все, казалось бы, просто и нарочно обыденно. Простые люди, простые характеры и жизнь как жизнь, без стремительных и оглушительных подъемов и падений. И пишет автор простодушно и незатейливо, обыденно, но и бережно, как-то по-отцовски вникая в каждую предложенную судьбу. И герои его не врываются в читательский мир, а входят с осторожностью, как и полагается гостям, и уж после неторопливого общения появляется к ним дружеское расположение. В литературе, кроме техники письма и степени доверия к героям, есть еще одна составляющая, от которой ничуть не меньше зависит конечный результат. Техника может быть безупречной, события могут происходить как наяву, в самой естественной, не вызывающей подозрений форме, но у читателя тем не менее доверия к происходящему не будет. Он

станет наблюдать за ними как бы со стороны, не решаясь войти внутрь и отаться сопререживанию, потому что книга, в которую его приглашают, по профессиональным качествам котирующаяся высоко, написана холодным сердцем. В ней нет ни тепла, ни уюта, ни дружеского расположения, там по душам не поговоришь и душу свою не полечишь.

Эта книга написана бывшим детдомовцем, и вся она — от начала до конца — посвящена им же. Надо ли говорить, что это особого психического склада люди, униженные своим сиротством и оскорблённые той жестокой действительностью, которая с каждым годом все беспощадней продолжает плодить сиротство. Спасти их может только совокупное добро, получаемое от государства, от воспитателей и учителей, от окружающих и от таких же, как они, покинувших детдомовские стены прежде. Не воз гуманитарной помощи со сникерсами и кока-колой, доставленной из Америки или Европы, не компьютер, привезенный богатым дядей, который купил и огородил забором пустошь за холмом, где детдомовцы собирали грибы для общего стола, не пакеты со сладостями, выпадающими раз в год, и не бесплатный Дед Мороз к Новому году помогут им смягчить боль своей раненой души. А повсеместное и соизнательное наше родительство, не скучающее на ласковое слово и поощрительный взгляд, деликатная поддержка, целительное внимание, охранение от зла. По отношению к ним не должно быть чужих и посторонних. Все мы вольно или невольно виноваты в их сиротстве.

В этой книге из всех литературных достоинств есть самое главное — она удивительно добра. Добра, в некоторых случаях может показаться, даже чересчур, добро неестественно, неоправданно, несовместимо с тем, во что сегодня превратилась Россия и во что превратился в ней человек. Но вот вопрос: разве может быть где-то, в том числе и в литературе, излишнее добро? И как это — много? Разве мы уже, как у Достоевского в рассказе «Сон смешного человека», все зло преодолели и погрузились в сияющую, как солнце, нравственную гармонию? Напротив, мы погрязли во зле, у нас огромная, бесперебойно работающая идеологическая система, вырабатывающая зло. И за всякий лучик добра мы хватаемся, как за спасение.

А вот герои книги Эдуарда Анашкина живут добром так же естественно, как все мы дышим воздухом, — и никаких! «А все-таки она вертится!» — сказано было одним упрямцем о нашей планете, считавшейся в его пору центром Вселенной. «А все-таки добра больше!» — с тем же упрямством уверяет автор этой книги. И что бы вокруг него ни говорили, какие бы ни вели подсчеты, а он прав. Без любви к человеку и без веры в него жизнь теряет всякий смысл. Поверим же ему. В любой области человеческой деятельности, если она терпит крушение, начинать следует с азов. И всюду эти азы — одно: любовь и вера. Валентин РАСПУТИН».

* * *

Конечно же, сразу после выхода книги я отправил одну с дарственной подписью Распутину. А 19 января 2003 года, в день Крещения Господня, Валентин Григорьевич пишет мне письмо: «Поздравляю Вас с выходом книги; это всегда событие для писателя из глубинки, а для Вас, должно быть, событие вдвойне, потому что уж очень с большими трудностями она выходила. Это-то ладно, вышла, казалось бы, и хорошо, но что-то уж очень поскутились с тиражом. Что это за тираж — 500 экз.! Ох, и комментировать не хочется! Я искренне рад рождению Вашей книги. Это хороший Ваш новогодний подарок. Будьте здоровы и новых Вам книг!»

Видимо, с легкой руки Распутина моя книга пошла по России. Иначе, как же она попала к главному редактору журнала «Уроки литературы» Надежде Леонидовне Крупиной? Хотя уточнять этот вопрос я не стал ни у Валентина Григорьевича, ни у Надежды Леонидовны, а только однажды получаю бандероль, в которой несколько но-

меров журнала «Уроки литературы». Начал перелистывать страницы журнала и обомлел: мой рассказ «Вовкин поцелуй» журнал «Уроки литературы» не только опубликовал, но по этому рассказу, оказывается, во многих школах России прошли уроки. И учителя средних школ на страницах журнала делились своими впечатлениями о проведенных уроках.

Позже многие рассказы из сборника «Запрягу судьбу я в санки», крестным отцом которого стал Валентин Григорьевич, были напечатаны и в других столичных журналах: «К единству!», «Россия молодая», «Наша улица». А редактор газеты Союза писателей России Николай Дорошенко опубликовал все рассказы в нескольких номерах газеты «Российский писатель». Уверен, что именно предисловие Валентина Григорьевича Распутина к этой моей книге проложило ей такую широкую дорогу к читателю!

* * *

Валентин Григорьевич был настоящим русским интеллигентом. За все годы нашей дружбы я не слышал от него ни одного скверного слова. Помнится, однажды после ужина в Переделкино я провожал Распутина до нового корпуса. О чем-то разговорились и я, возмущенный несправедливостью по отношению ко мне персонала, загнул по-русски. Валентин Григорьевич вдруг резко остановился, поднял голову, и я увидел его глаза, испытующе глядящие на меня:

— Эдуард, никогда не пачкай душу об эти слова. У нас такой богатый язык. Следи за своей речью. Не забывай, что ты писатель!

Его удивительный талант, конечно, не мог оставить равнодушным никого. Одни его пламенно любили, другие писали на него доносы за его гениальные, но якобы «антисоветские» повести. Когда начальник политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота А.А. Епишев узнал о повести Распутина «Живи и помни», то запретил подписку на опубликовавший эту повесть журнал «Наш современник» для библиотек воинских частей.

Известный русский поэт-иркутянин Владимир Скиф вспоминает о Валентине Распутине: «За чаем (этот разговор произошел на даче Распутиных в порту Байкал. — Э.А.) я спросил у Вали: «Я знаю, что тебе пишут очень много доброжелательных и восхищенных писем. А есть ли письма, в которых тебя ругают?» — «Случается», — коротко ответил он...

Однажды пришло просто разгромное письмо. Это было после публикации повести «Живи и помни». В нем автор разносил Распутина в пух и прах, грозился обратиться с письмом в соответствующие органы за подрыв советской идеологии и с просьбой, чтобы писателя наказали за разрушительную работу против СССР. «И что? Ты ответил?» — коротко спросил я. «А зачем?» — Валя замолчал. «А подпись? Подпись была? И кто автор письма, он указал — кто он?» — «Некто Иванов Николай Петрович, фронтовик, орденоносец». — «Тебе, наверное, стало худо от этого письма...» — «Было, конечно, очень неприятно. Но потом я привык. Такие письма теперь для меня не редкость». — «Да, странно». — «Ничего странного. Мне-то понятно, кто водил рукой того же Иванова». — «А где это письмо?» — «Я выбросил. Я все выбрасываю...»

* * *

Когда в ноябрьском номере журнала «Наш современник» за 2003 год была опубликована повесть Валентина Григорьевича «Дочь Ивана, мать Ивана», то очень точно высказался заслуженный деятель искусств России, академик РАЕН, искусствовед, историк, писатель, лауреат многих наград Савва Васильевич Ямщиков: «Читая о дочери и матери Иванов, я отчетливо понял, откуда глубокие борозды и тени на лице их создателя. Пропустить через себя такие коллизии не каждому под силу. Уверен, что кри-

тики немало слов напишут о новой распутинской повести. Наиболее шустрые враз прорезались. С легкостью необыкновенной вездесущий Дм. Быков, не поняв и малой доли многоосмысленности классического сочинения, успел уличить писателя в «русофильстве» и с высока поучить «товарища по цеху» уму-разуму!»

Прав оказался Савва Васильевич Ямщиков!

Сначала, после публикации новой распутинской повести, воцарилась тишина, как всегда она воцаряется после редкого в море разливанном лжи правдивого слова. А затем началось. И по нарастающей. Не только в столице! Судили-рядили об этом новом детище Распутина все, кому не лень. Попутно вспоминали предыдущие повести Распутина, особенно «Живи и помни». Даже сибиряки не остались в стороне, тоже захотелось лягнуть выдающегося коллегу-земляка, видимо, за то, что «посмел» стать классиком при жизни.

И литературная Самара, увы, не осталась в стороне от попытки низвержения Распутина. Одна из самарских газетенок (потому что уважаемые газеты вряд ли позволяют себе такое неуважение к признанному во всем мире классику), рассказывая об экранизации режиссером Прошкиным повести Валентина Распутина «Живи и помни», назвала распутинскую повесть «непопулярной»¹. Тогда меня этот материал очень задел. Я написал статью «Популярно о непопулярном» и отправил ее на сайт Союза писателей России. Когда статья была размещена на сайте «Русское воскресенье», я получил много благодарных писем и отзывов со всей страны. Неожиданно откликнулся и Валентин Григорьевич:

«Дорогой Эдуард! Спасибо за поддержку в Самаре моей работы и моего имени. От Симаковых никуда не деться. Эти безграмотные и подловатые люди для того и существуют, чтобы защищать дурное и набрасываться на иное. За последние десятилетия в России расплодилось столько Татьян Симаковых, что как-то и стыдно иной раз становиться за Россию. С них, как говорится, взятки гладки. Но меня удивил так называемый режиссер Прошкин. Кто его, интересно, заставлял брать мою повесть «Живи и помни»? Кстати, текст ее от начала и до конца должен быть мой, если Прошкин не напортачил что-нибудь. Не годился он для Прошкина — зачем брал, кто его заставлял? Меня это удивляет больше всего. Коли взял, да еще по своей воле... ты и только ты несешь ответственность за нее. Эта Татьяна Симакова и подобные ей могут говорить о ней все, что угодно, а ты уже не можешь. Ну их подальше! Все, что требовалось сказать, ты сказал в своей работе. Я недели через две собираюсь лечь опять в больницу. А затем уже буду собираться в Иркутск. Но это уже ближе к маю. Работа твоя — я имею в виду «Популярно о непопулярном» — серьезная и о многом говорит помимо моих с Прошкиным отношений. Серьезная работа. Кланяюсь. В. Распутин».

* * *

В золотой юбилей — 50 лет совместной жизни — Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна Распутины решили обвенчаться. 12 октября 2010 года они венчались в храме в честь иконы Божьей Матери, именуемой «Касперовская», расположенному рядом с Князе-Владимирским храмом, в лесочке, по улице Лесная, 145. Таинство венчания совершил протоиерей Алексий Середин.

В конце сентября 2013 года я принял участие в работе замечательного праздника «Дни русской духовности и культуры» в Иркутске. Однажды, когда гости праздника завтракали, в гостиничный комплекс «Русь» пришел Валентин Григорьевич. Накануне по телефону мы с ним договорились встретиться. Распутин сел на кожаный диван, я присел рядом. Валентин Григорьевич, это уже было заметно, очень изменился. Из-

¹ Татьяна Симакова «Очень немодное кино» / Газета «Волжская коммуна», № 130 от 14.04.2009.

мученный борьбой с недугом, он, и без того никогда не отличавшийся лишним весом, еще более похудел. Глаза были усталы и печальны.

Я спросил:

— Валентин Григорьевич, а почему вы венчались со Светланой Ивановной в храме Касперовской иконы Божьей Матери на окраине города, а не в своем любимом храме Михайло-Архангельском, рядом с домом, где вы живете?

— Это наше со Светланой Ивановной общее решение. Венчаться в Москве мы не захотели, решили совершить таинство на родине, на иркутской земле. Да, старинная Михайло-Архангельская, ее еще называют Харлампиевская, церковь рядом, мы ее любили. Немногие знают, что в этой церкви венчался и Александр Колчак. Я видел в церкви запись о бракосочетании в марте месяце 1904 года лейтенанта флота Александра Васильевича Колчака с дочерью действительного статского советника, потомственной дворянкой Подольской губернии Софьей Федоровной Омировой. Мы с женой не хотели, чтобы на нашем семейном празднике присутствовали журналисты, фотографы. Они бы сделали из этого шоу. Потому все произошло скромно, по-хорошему и, главное, тихо...

15 марта 2012 года, в день 75-летия Распутина, Валентин Григорьевич и тяжело больная Светлана Ивановна покинули столицу, вернулись в Иркутск. Светлана Ивановна покидала Москву навсегда. Валентин Григорьевич старался все время проводить с женой. Когда наступили самые трудные дни, вообще не отходил от постели жены. И, конечно, постоянно рядом со Светланой Ивановной кто-то был: то сын Сергей, то его жена Елена.

Скончалась Светлана Ивановна 1 мая 2012 года, в день рождения своего отца, — известного сибирского поэта, первого председателя Иркутского отделения Союза писателей СССР Ивана Молчанова-Сибирского. Отпели ее в Богоявленском соборе областного центра 4 мая. Похоронили рядом с дочерью Марией на Смоленском кладбище.

* * *

Позволю себе немного хронологии из моего дневника. Вот что вспоминает друг Распутина — охотовед-биолог, предприниматель, меценат Николай Васильевич Тещенко из города Тулун Иркутской области. Николай Васильевич прислал мне свои воспоминания о встречах с великим писателем: «У меня есть фотография с Валентином Григорьевичем за полгода до его смерти. В сентябре 2014 года мы с ним созвонились. «Я в больнице лежу», — сказал мне Распутин. Набрал гостинцев — сок, фрукты — и к нему. Взял он пакет с гостинцами. Я ему предложил: «Давайте на память сфотографируемся». Тогда я не знал, что эта фотография с ним окажется последней. На фотографии хорошо видно, что рубашечка на нем застегнута неровно. Мы посидели с ним в вестибюле, поговорили. Он мне признался: «Я, Николай Васильевич, ничего не помню. Сосуды головного мозга совсем отказали. Ничего не помню. Лечат меня, системы ставят, только улучшения нет...»

Сравниваю эту запись со своими дневниковыми.

9 октября. Разговаривал по телефону с Валентином Григорьевичем. Сразу же после выписки из иркутской больницы и по приезде в Москву он попадает в столичную клинику.

15 октября. Распутин: «Эдуард, ничего не помню. Голова не работает».

25 октября. Опять позвонил Распутину, но он еще в больнице.

23 декабря. На мой звонок ответила внучка Антонина, пригласила Валентина Григорьевича. «Эдуард, прости, у меня гости. Позвоню сам».

27 декабря. Распутин выполнил свое обещание (внучку напомнила). Поздравил с наступающим Новым годом. Жалуется на страшную головную боль и потерю памя-

ти. Спросил меня про статью о читинском семинаре молодых писателей: «Пришли мне, посмотрю, добавлю фотографии к материалу...»

Последний раз я дозвонился до Распутина 21 февраля, в субботу. Ответил женский голос: «Что передать Валентину Григорьевичу? Он говорить не может, болеет сильно...»

* * *

Немного отвлекусь от грустного, чтобы вспомнить о Днях духовности и культуры «Сияние России». Этот праздник обязан своим появлением на свет много лет тому назад Валентину Распутину. Получив приглашение на него в 2016 году, я, не раздумывая, дал согласие на участие.

Вот уж праздник так праздник! Мы, писатели России, вместе с иркутскими товарищами по перу проводили встречи с общественностью, школьниками, студентами. С творческим коллективом Иркутской филармонии побывали на родине В.Г. Распутина — в поселке Усть-Уда. Восхитились концертом «Встань за веру, русская земля» заслуженной артистки России, замечательной певицы Татьяны Петровой, посетили литературные места в поселке Листвянка, были на месте гибели известного советского драматурга Александра Вампилова. Большая работа по подготовке и проведению праздника была проделана Иркутским отделением Союза писателей России и известным в России поэтом Владимиром Скифом лично.

Особенный душевный подъем вызывали встречи с иркутянами и сибиряками. Однажды после обеда мне в номер позвонил дежурный и попросил выйти в холл гостиничного комплекса, сказав, что меня ждут посетители. Подумал, что это кто-то из читателей или коллег. И был изумлен, увидев красивую женщину и молодого мужчину с роскошным тортом в руках. Это были известный иркутский модельер, ученица знаменитого Вячеслава Зайцева Людмила Васильевна Карелова и ее сын Руслан, скульптор и ваятель ледяных фигур. Огромный именной торт гласил: «Эдуарду, дружески, с надеждой на встречу в Иркутске».

«Вы не удивляйтесь, — сказала женщина. — Я прочитала вашу статью о нашем любимом земляке Распутине. Вы упоминаете автограф на подаренной вам книге «Прощание с Матерой», которая была выпущена к 75-летию Валентина Григорьевича издательством Геннадия Сапронова у нас в Иркутске. И я испекла торт и перенесла на него этот автограф. Торт из измельченной иркутской черемухи. Примите его, пожалуйста, вы же сибиряк, и этот торт передаст вам запах и вкус Сибири».

Хозяйка кулинарного чуда вручила мне его, взяла сына под руку, села в машину, да и была такова. Вконец изумленный, я даже не помню, успел ли ее поблагодарить! Так и остался стоять, как вкопанный, с тортом в руках, где кремом был нарисован один из распутинских автографов...

Номер, где мы жили с поэтом из Братска Владимиром Корниловым, сразу стал местом паломничества прозаиков и поэтов. Весть о торте разошлась мгновенно, многие приходили посмотреть на это кулинарное волшебство! Однако торт под свою ответственность взяла моя любимая певица и друг Татьяна Петрова. Она попросила персонал ресторана, где мы питались, поставить торт в холодильник, чтобы за праздничным столом всем писателям досталось по изрядному куску. А мне Татьяна Юрьевна подарила свой диск «Сто русских песен» с таким автографом: «Эдуарду — родному брату во Распутине на долгую дружбу. 1.10.2016 года, г. Иркутск».

* * *

В понедельник, 26 сентября 2016 года, писатели собирались посетить некрополь Знаменского монастыря, побывать на могиле В.Г. Распутина, где должно было состояться открытие памятника. Накануне вечером я заказал букет бордовых роз, чтобы возложить их на могилу Валентина Григорьевича. Перед отъездом мне в гостиничный комплекс «Русь», где мы проживали, букет цветов был доставлен.

Народу в некрополе собралось много. Удалось лишь мимоходом пообщаться с сыном Валентина Григорьевича — Сергеем, младшей сестрой покойной Светланы Ивановны — Евгенией Молчановой. Когда Владыка Ангарский и Иркутский Вадим закончил службу, с памятника упало покрывало, и мы увидели огромный, из серого камня, крест. Он заменил прежний, православный деревянный крест, что до того стоял на могиле Валентина Григорьевича Распутина. Многие переглянулись и опустили головы. Знаю, что работу по изготовлению креста оплатил сын Распутина — Сергей. Сумма немалая. А вот кто автор проекта памятного креста, так и не удалось узнать. Впрочем, если мы говорим о памятнике, то лучшим памятником великому печальнику земли русской Валентину Распутину стали его прекрасные книги о России, написанные с такой правдивостью, что порой вызывали яростные споры, как всегда вызывает яростные споры русская правда, сказанная с гениальной простотой.

Я рад, что мне удалось довезти до Иркутска в целости и сохранности бюст Распутина, вылепленный заслуженным художником России, московским скульптором Николаем Селивановым. Теперь эта работа красуется в Распутинской комнате Иркутской областной библиотеки им. Ивана Молчанова-Сибирского. И у праздника «Сияние России» появилась новая традиция: все писатели-гости расписываются на колонне, что находится в этой комнате.

Бюст мне был подарен скульптором, который знаком со мной заочно, по моим материалам о Распутине. Николай Селиванов — автор изваяний многих выдающихся русских писателей: Василия Белова, Василия Шукшина, Владимира Солоухина, Михаила Алексеева... Одних только «Есениных» в его творческом активе пятьдесят! Бюст Распутина Селиванов передал мне через нашу общую знакомую — доцента кафедры филологии Тольяттинского государственного университета Елену Кайннову. Она не сочла для себя обузой везти из Москвы это произведение искусства, впоследствии врученное мной землякам Валентина Григорьевича. Так бюст Распутина совершил путешествие по всей России: из Москвы — через Тольятти и Самару — в Иркутск.

И все же самым главным памятником великому писателю будет наша память о нем. Его пронзительные произведения наполнены любовью к родной земле и болью за нее. Именно это завещал нам Распутин своими строками.

